

ПРЕПОДОБНЫЙ ДАВИДЪ ГАРЕДЖЕЛИ

И ЕГО ЛАВРА.

Если VI-ой вѣкъ нашей эры—эпоха могущества персовъ и господства Заратустры въ Азіи—въ политическомъ отношеніи для Грузіи былъ неблагоприятенъ въ дѣлѣ успешнаго отраженія частыхъ нападений грозныхъ и злѣйшихъ враговъ креста Христова, за то достаточно сильна была у ней мощь нравственная, чтобы спасти отъ нихъ и тогда, и впоследствии свою вѣру. Этой нравственной силой она была обязана новымъ апостоламъ Иверіи—XIII св. сирийскимъ, какъ принято именовать, но вѣрнѣе, *каппадокійскимъ* отцамъ, прибытіе которыхъ въ Грузію имѣло весьма важное значеніе въ судьбахъ юной грузинской церкви, послѣ благодѣтельныхъ мѣръ Вахтангова царствованія. Это при всѣхъ хронологическихъ разногласіяхъ ¹⁾ безспорно достоверное, хотя въ нашъ холодный вѣкъ и непонятное, событіе

¹⁾ Удивляемся, что до сихъ поръ между отечественными писателями все еще продолжаетъ существовать разногласіе касательно времени прибытія въ Грузію XIII отцовъ, не смотря на то, что полстолѣтія тому назадъ этотъ важный вопросъ подвергъ тщательному разбору академикъ Броссе и, примиривъ кажущіеся анахронизмы, установилъ точно вѣкъ ихъ прибытія. Не знаемъ, почему это изслѣдованіе почетнаго ориенталиста неизвѣстно нашимъ писателямъ. См. газ. „Кавказъ“ за 1850 г. №№ 24—25.

по волѣ Небесной Царицы — Покровительнице вери — въ VI вѣкѣ, когда новопросвѣщенное царство, въ виду повсемѣстно тогда усиливавшейся пропаганды огнепоклонниковъ маговъ и вожделеній коварной политики Персіи возстановить въ христіанской Грузіи потухшіе алтари Зоры, нуждалось еще въ стойкихъ, ревностныхъ и неустрашимыхъ поборникахъ христіанства. Такими подвижниками благочестія и вторыми просвѣтителями Грузіи и были указанные каппадокійскіе отцы, въ числѣ которыхъ находился и преподобный Давидъ, впоследствии прозванный по мѣсту уединенной жизни своей *Гареджійскимъ*.

О происхожденіи преп. отца Давида точныхъ и несомнѣнныхъ историческихъ свѣдѣній не сохранилось. Извѣстно только, что онъ приходился родственникомъ и воспитанникомъ Іоанну Зедазнійскому, во главѣ съ которымъ указанные отцы и прибыли въ Грузію; происходилъ отъ благочестивыхъ христіанскихъ родителей, воспитавшихъ его въ духѣ благочестія и христіанской любви. Лишившись рано родителей, преп. Давидъ еще юношей послѣдовалъ за своимъ возлюбленнымъ учителемъ Іоанномъ и отказавшись отъ суеты и пустоты міра, посвятилъ себя «образу ангельскаго житія».

Прибывъ, по внушенію свыше, въ столицу Грузинскаго царства Мцхетъ и поклонившись животворящему столпу, преп. Давидъ взошелъ на Зедазнійскую гору (въ 8-ми верстахъ отъ Мцхета на сѣверной сторонѣ), и поселился тамъ вмѣстѣ съ другими отцами. По прошествіи трехлѣтнихъ тяжелыхъ иноческихъ трудовъ на этой горѣ, ученики преп. Іоанна Зедазнійскаго, по предварительномъ между собою соглашеніи и по полученіи отъ своего любимого учителя ~~цесобранныхъ~~

наставленій и благословенія, пошли въ разныя мѣстности Иверіи, кто въ Карталинію, а кто въ Кахетію, для утверженія евангельскаго ученія въ грузинскомъ народѣ. Преподобный Давидъ избралъ для своихъ апостольскихъ трудовъ г. Тифлисъ. Прибывъ сюда, Давидъ поселился вдали отъ населенной части города, на горѣ, нынѣ именуемой *Мтацминда* (святая гора), находящейся на западной сторонѣ г. Тифлиса. Устроивъ себѣ небольшую пещеру для житія, а для молитвы маленькую часовню съ поставленнымъ въ ней божественнымъ образомъ Спасителя, великій подвижникъ проводилъ время въ горячихъ молитвахъ за погибающихъ и уклоняющихся отъ праваго и спасительнаго ученія Христова. Жизнь онъ велъ самую строгую подвижническую: ѣлъ одинъ разъ въ день, да и то скудную горную растительность, а пилъ холодную ключевую воду. Такой поистинѣ святой своею жизнью и чисто отеческою проповѣдью подвижникъ сталъ благотворно вліять на жителей г. Тифлиса. Преданіе ясно свидѣтельствуетъ, что святой отецъ спускался съ горы къ жителямъ каждый четвергъ и своими проповѣдями поддерживалъ и утверждалъ въ нихъ христіанское ученіе.

Не понравилось это огнепоклонникамъ и другимъ врагамъ христіанской вѣры, которыхъ въ то время не мало было въ Тифлисъ. Завидуя святой жизни преп. Давида и успѣхамъ его проповѣди, они, съ цѣлью умалить и даже уничтожить въ глазахъ народа его силу, значеніе и вліяніе, возвели на него страшную клевету. Вотъ что повѣствуетъ объ этомъ преданіе, до сихъ поръ существующее въ памяти грузинскаго народа. Намѣстѣ нынѣшней Квапоэтской церкви жила дочь одного изъ обывателей г. Тифлиса. Дѣвица эта, соблазнен-

Тѣмъ то, сдѣлалась беременной. Когда о безче-
сти этомъ узналъ народъ, то потребовалъ отъ нея вы-
дачи виновника, — и она, подученная и подкупленная
врагами пр. Давида, оклеветала самого преподобнаго.

Великаго подвижника потребовали на судъ. Но св.
всенародно обличилъ клеветницу: дотронувшись посо-
хомъ до ея чрева, онъ спросилъ зачатаго въ немъ ре-
бенка: „Я-ли отецъ твой?“ Изъ утробы обольщенной
дѣвицы явственно для всѣхъ присутствовавшихъ послы-
шался голосъ: „Не ты,“ — и при этомъ назвалъ какого-
то кузнеца. Тогда св. Давидъ сказалъ ей: „Да родишь
ты камень“. Вдругъ она почувствовала страшныя боли
и родила камень, который и послужилъ, какъ говорятъ,
основаніемъ Квапоэтской церкви въ Тифлисъ ²⁾. (По-
грузински „ква“ значитъ камень, „шва“ — родила).

Нѣсколько спустя послѣ этого преп. Давидъ ушелъ
съ нѣкимъ подвижникомъ благочестія Лукіаномъ въ Га-
реджійскія горы, расположенныя между рр. Курюю и
Іорою, въ 60-ти верстахъ къ юго-востоку отъ Тифлиса.
Тутъ онъ спустя нѣкоторое время основалъ обитель,
которая впослѣдствіи обратилась въ знаменитую лавру,
почему Давидъ съ того времени и сталъ называться
„Гареджійскимъ“ ³⁾.

²⁾ Въ память этого событія пр. Давидъ испросилъ у Бога источникъ живой воды, который имѣлъ-бы силу оплодотворять неплодныхъ женщинъ и имѣлъ-бы вообще цѣлебную силу. Это тотъ самый источникъ чистой ключевой воды, который и нынѣ находится на сѣверо-западномъ углу отъ церкви, привлекая къ себѣ множество бездѣтныхъ богомолковъ.

³⁾ Въ настоящее время тамъ находится только два бѣдныхъ монастыря. На эти историческія развалины обратилъ вниманіе въ послѣднее время преосвященный епископъ Александръ и извѣстный труженикъ М. П. С-нъ, который обогатилъ и украсилъ монастырь, израсходовавъ на это святое дѣло около 7000 руб.

Гареджа означает „уединенное мѣсто“. По свое-
уединенію и безмолвію располагающая къ глубокимъ
созерцаніямъ природы и къ благоговѣйнымъ размышле-
ніямъ о Творцѣ ея, Гареджа самымъ Промысломъ Бо-
жїимъ предназначена была для иной—вышей жизни.
И дѣйствительно тутъ, въ безводной и бесплодной пу-
стынѣ караязской возсіяла Грузинская *Оиваида*. Про-
будилась окрестная мертвая степь! Неусыпными труда-
ми св. Давида и его учениковъ высѣчены въ скалахъ
пещеры ⁴⁾. Архитектоническія формы ихъ показываютъ,
что однѣ изъ нихъ устроены по плану церкви, а дру-
гія имѣли специальное назначеніе служить для жилыхъ
помѣщеній иноковъ. При затратѣ громаднаго мускуль-
наго труда „искусный каменотесъ“, говоритъ архитек-
торъ Липардъ, „въ этихъ скалахъ вѣсѣкъ бы пещеры
въ 437 куб. саж. въ 22.140 дней“ ⁵⁾ т. е. почти въ
62 года.

Такъ постепенно образовался обширный городъ
пещеръ, *удабно* (უდაბნო), раскинутый безконечной ве-
реницей на трехъ террасахъ, по скату горы. Всѣхъ
искусной рукой отшельниковъ выдолбленныхъ келій и

⁴⁾ Св. Давиду же приписывается основаніе пустыни и пе-
щеръ въ горахъ Кечутскихъ, въ Дбанискомъ ущеліи надъ рѣ-
кою Машаверы. ვაბუჯის უდაბნო. აღწ. საქართვე. გვ. 150.

⁵⁾ См. рукописную тетрадь архимандрита Тарасія (†1874 г.)
подъ заглавіемъ: „Краткія свѣдѣнія о Грузинскихъ монастыряхъ“.
Библиотека Квабтаховскаго монастыря № 46. Эти свѣдѣнія напи-
саны въ 1842 году, 6 августа, для члена Грузино-Имеретинской
Синодальной Конторы, настоятеля Тифлискаго Спасопреображен-
скаго монастыря, ректора семинаріи и благочиннаго монастырей
Грузинской епархіи, архимандрита Флавіана.

Пустыней въ окрестностяхъ Давидо-Гареджіѣйской пустыни насчитываютъ болѣе 5.000.

Помянутый выше Лукіанъ, удивляясь добродѣтельной и святой жизни преподобнаго Давида, сдѣлался его ученикомъ и послѣдовалъ за нимъ въ пустыню на труды иноческаго подвига. Преподобный Давидъ съ Лукіаномъ, подходя къ названному мѣсту, почувствовали страшную жажду и невыносимый жаръ, такъ какъ лѣто было очень знойное, а мѣсто тутъ скалистое и безводное. Въ одной изъ расщелинъ скалы они нашли немного воды, утолили свою жажду и расположились отдохнуть подъ тѣнью одной горной расщелины. Тогда блаженный Давидъ сказалъ своему ученику: „Братъ Лукіане, видишь это прекрасное и безмятежное мѣсто? Водворимся убо здѣсь иночествомъ, пребывая всегда въ молитвѣ, постѣ, бодрствованіи и терпѣніи, чтобы сподобиться прощенія грѣховъ, а Богъ — сладчайшій и всемилостивѣйшій — наградить насъ и за понесенные труды наши подастъ намъ силу благодатную на подкрѣпленіе немощей нашихъ и на перенесеніе тѣсноты и нашихъ слабостей. Ибо и преподобные подвижники временно подвергались разнымъ бѣдствіямъ и за то получили мзду вѣчную“. Блаженный Лукіанъ, выслушавъ наставленіе своего учителя Давида, отвѣчалъ: „Богоносный отче! все это по слову твоему справедливо и истинно, ибо св. Писаніе говоритъ намъ о воздаяніи каждому по дѣламъ его, содѣяннымъ въ этой суетной жизни. Но эта пустыня изобилуетъ только недостатками и нуждами для тѣлеснаго подкрѣпленія, — особенно недостаткомъ воды, безъ которой человѣкъ не можетъ жить. Боюсь, какъ бы и мы, не вытерпѣвъ бѣдствія, не оставили этой пустыни“.

„Братъ мой! Не заботься объ этомъ. Всемогущій Богъ, питавшій Израила въ пустынѣ, которому ниспослалъ съ неба манну и извелъ воду изъ камня, и питавшій пророка Ілію небеснымъ хлѣбомъ черезъ вороновъ, дастъ и намъ, по своей милости, питаніе. Намъ ненужно заботиться о пищѣ и питіи. Это не въ духѣ св. Писанія: — „Не пецытеса убо на утрей, утренній бо собою печетса: довлѣеть днєви злоба его.“ Между тѣмъ тотъ-же Господь исполненною щедротъ десницею своею насыщаетъ всякое животное по волѣ своей. Онъ-же и намъ, слугамъ своимъ, дастъ пищу на подкрѣпленіе немощнаго нашего тѣла. Нынѣже, братъ, ободрись и укрѣпись, поелику для подвижниковъ уготованы вѣнцы, которыхъ никто не получаетъ безъ трудовъ и безъ борьбы и побѣды.“ Лукіанъ, ободренный и укрѣпленный наставленіями своего учителя Давида, отвѣчалъ: „Честный отче! какъ сказалъ ты, такъ и сдѣлаемъ. Богъ-же, на Котораго мы надѣемся, позаботится о нашей жизни.“ Итакъ, рѣшивъ остаться въ пустынѣ и пренебрегши житейскими удовольствіями, они предали себя всецѣло милости Божіей, стали прилагать усиленное стараніе къ трудамъ и подвигамъ отшельническимъ. Въ пустынѣ пищу ихъ составляли корни нѣкоторыхъ растений и жалкая пустынная зелень. Поддерживая жизнь свою растеніями, они возсылали къ Богу молитвы и благодаренія за попеченіе о нихъ. Но по прошествіи нѣсколькихъ дней, растенія съ корнями засохли отъ сильнаго жара, такъ какъ здѣсь бываетъ тропическій зной, при томъ господствующіе зимою сильные морозы еще раньше способствуютъ засыханію корней растений въ самыхъ зародышахъ.

Лишившись и этого послѣдняго утѣшенія, Лукіанъ началъ скорбѣть, говоря преподобному: „Отче святой, Давиде! чѣмъ же мы теперь будемъ укрѣплять немощи наша? Всѣ растенія засохли, которыми мы до сихъ поръ поддерживали свои силы и удовлетворяли наши тѣлесныя нужды“. Преп. Давидъ отвѣчалъ скорбящему Лукіану: „Братъ Лукіанъ! что такъ горько скорбишь и уповаешь на прозябаніе? Развѣ ты не знаешь, что всѣ прозябанія земныя подвержены перемѣнѣ и преходящи, и что всѣ предметы, временно прозябшіе, по времени подвергаются и порчѣ, а душа безсмертна, и пріобрѣтается терпѣніемъ, какъ сказано въ св. Писаніи: „Терпѣніемъ вашимъ стяжите души ваши“. Отчего ты такъ скоро сталъ малодушнымъ? Развѣ ты не знаешь, что если мы умремъ ради заповѣдей Христовыхъ, или отъ голода, или отъ жажды, то, вмѣсто земнаго тѣнія въ смерти, оживемъ душою вѣчною предъ Христомъ? Для чего ты скорбишь и такъ много заботишься о временныхъ и маловажныхъ вещахъ—о полевыхъ растеніяхъ, которыя даны въ пищу безсловеснымъ животнымъ, а намъ словеснымъ неужели не дастъ Богъ питанія?“ Вдругъ въ это время прибѣгаютъ три лани съ молодыми дѣтенышами и останавливаются передъ ними безбоязненно мирно и кротко. Давидъ велитъ Лукіану взять сосудъ и отдоить ихъ. Удивленный такимъ необычнымъ зрѣлищемъ, Лукіанъ встаетъ и, исполняя его повелѣніе, ставитъ передъ Давидомъ сосудъ, наполненный молокомъ, при чемъ послѣднее, по молитвѣ Давида, вдругъ обратилось въ свѣжій сыръ. Удовлетворивъ свой голодъ сыромъ, съ благодарностью встаютъ св. мужи и произносятъ слова: „Ядятъ убозіи и насы-

тятся, и восхвалять Господа, дающаго всё блага и утѣшающаго всѣхъ боязливыхъ и славящихъ Его“.

Послѣ этого Лукіанъ сказалъ Давиду:— „Честный отче! Воистину, дивенъ Богъ во святыхъ своихъ и благословенно имя святое Его, Который по молитвѣ твоей укрѣпилъ нынѣ непоколебимо сердце мое отъ нѣкоторыхъ тревожныхъ нуждъ, а особенно душу и помышленія мои извелъ отъ тлѣнныхъ заботъ, какъ отъ тьмы въ свѣтъ. Посему отсель, какія-бы бѣды ни постигли меня, никогда не буду заботиться о смертномъ и непостоянномъ тѣлѣ моемъ и о суетной, преходящей жизни, и никогда не буду печись о пропитаніи и роптать, какъ нѣкогда ропталъ непокорный Израиль, съ горестью вспоминая о египетскихъ мясахъ, но совершенно буду покорнымъ тебѣ, какъ новому предводителю моему, подобно наслѣднику Моисееву Іисусу Навину, чтобы достигнуть обѣтованной земли небеснаго Іерусалима. Посему, душевно радуюсь, имѣя надежду не лишиться твоей милости“. Св. Давидъ, радуясь о немъ, сказалъ Лукіану: „Братъ Лукіане! Благословенъ Богъ и Отецъ Господа нашего Іисуса Христа. Благодарю Его, что онъ укрѣпилъ душу и помышленія твои“.

Душевно радуясь и утѣшаясь милостью Божіею, оба святые мужа возсылали Богу постоянныя молитвы, проводя все свое время въ бодрствованіи и благоговѣніи. Пищею ихъ каждый день было оленье молоко, исключая среды и пятницы; въ эти же дни они ничего не ѣли, а только молились. За такое смиреніе и истинно подвижническіе труды Господь Богъ сподобилъ преп. Давида даромъ чудотворенія, въ чемъ и убѣдимся изъ нижеприводимаго. Внизу той пещеры, въ которой оби-

тали св. отцы, была другая пещера, служившая жилищемъ великому и страшному дракону-змѣю, имѣвшему глаза большіе и свѣтлые, на головѣ рогъ, а на шеѣ щетинистые волосы.⁶⁾ Въ одинъ день лани какъ-то подошли къ пещерѣ, не подозрѣвая о присутствіи въ ней дракона; увидя ланей, драконъ яростно набросился на нихъ и похитилъ одного изъ молодыхъ дѣтенышей. Испуганныя матери ихъ прибѣгаютъ въ пещеру святыхъ. Увидя ихъ испуганными, Лукіанъ сказалъ Давиду: „Отче святой! лани эти по обыкновенію пришли къ намъ на служеніе, но онѣ почему-то тревожны и при томъ съ ними нѣтъ одного изъ дѣтенышей“. Пр. Давидъ тотчасъ же беретъ свой посохъ съ изображеннымъ на немъ крестомъ Христовымъ и идетъ по слѣдамъ прибѣжавшихъ ланей, отыскивая обидѣвшаго ихъ. Приближаясь къ означенной пещерѣ, св. Давидъ вдругъ увидѣлъ страшнаго видомъ и величиною злого звѣря. Не страшась его, Давидъ смѣло обращается къ нему со словами: „Злодѣй! выходи сейчасъ же изъ этого мѣста и уйди прочь отсюда, иначе этимъ посохомъ и крестомъ Христовымъ разсѣку чрево твое и отдамъ на съѣденіе червей, ибо ты обидѣлъ ланей моихъ, данныхъ Богомъ на подкрѣпленіе немощныхъ силъ моихъ.“ Дьяволъ же, который водворился во чревѣ дракона, человѣческимъ голосомъ отвѣчалъ: „Не гнѣвайся на меня, рабъ Бога живаго; если тебѣ угодно, что (ы я удалился отсюда, взойди на вершину этой горы и тамъ будь, пока я не выйду въ рѣку (которая находится

⁶⁾ На грузинскомъ языкѣ змѣй этотъ называется ზღველი, по-русски значитъ „китъ“ и „чудовище“ въ томъ смыслѣ, какъ упоминается у прор. Даніила XIV, 28.

отъ сей горы на югъ)*. Когда св. Давидъ взошелъ на вершину горы, драконъ вышелъ изъ логовища своего. Лукіанъ, при видѣ его объятый ужасомъ и страхомъ, упалъ на землю, какъ мертвый. Драконъ же быстро спустился внизъ къ равнинѣ и когда приблизился къ Курфъ, къ Давиду является Ангель Божій и говоритъ ему: „Давидъ!“ Давидъ, оглянувшись, увидѣлъ ниспадающій съ неба огонь, который и сжегъ дракона.¹⁾ При видѣ несчастья съ дракономъ, Давидъ съ огорченіемъ воззвалъ къ Богу: „Боже, Боже мой! что сотворилъ Ты! Этотъ драконъ довѣрился моему слову, а Ты послалъ огонь истребить его.“ Утѣшая его, ангель отвѣчалъ: „Что ты такъ беспокоишься, отче Давиде, объ одномъ червякѣ! Развѣ ты не знаешь, что если-бы онъ вышелъ въ рѣку и оттуда въ море, то тамъ погубилъ-бы множество кораблей? Не скорби о погибели его, ибо Богу такъ угодно было. Иди въ свою пещеру, гдѣ твой ученикъ лежитъ безъ памяти; спаси и утѣшь его. Лучше тебѣ заботиться о словесныхъ духовныхъ дѣтяхъ своихъ, чѣмъ о безсловесномъ зломъ звѣрѣ.“ Давидъ сошелъ съ горы, нашель Лукіана лежащимъ безъ памяти и, подымая его, говоритъ ему: „Что ты такъ испугался одного червяка, который, по повелѣнію Бога, мгновенно сожженъ небеснымъ огнемъ! Теперь ободрись и не бойся, ибо сила Христова сохранила насъ нынѣ отъ страшной брани.“ Лукіанъ, ободрившись и укрѣпившись сими словами, благодарилъ Бога, творящаго великія чудеса и знаменья и даровавшаго также рабу своему Давиду господство надъ звѣрями.

¹⁾ На томъ мѣстѣ, гдѣ сожженъ былъ драконъ, донинѣ не произрастаетъ зелень.

Спустя нѣсколько дней, пришли охотники къ эту мѣстность поохотиться. Напуганныя ими лани прибѣжали въ пещеру святыхъ; охотники гнались за ними, надѣясь убить ихъ въ тѣсномъ скалистомъ мѣстѣ, но сколь велико было ихъ удивленіе, когда подошедши къ пещерѣ, они увидѣли ихъ кротко стоящими, а Лукіана доящимъ ихъ. Припавъ къ ногамъ Давида, они воскликнули: „Угодникъ Божій! Какое дивное чудо! Эти дикія лани стоятъ смиренно и кротко, подобно овцамъ, выкормленнымъ человѣкомъ.“ Св. Давидъ на это отвѣчалъ имъ: „Чему вы, братья, удивляетесь? Творецъ и Промыслитель людей и вообще всѣхъ тварей питаетъ и насъ, немощныхъ, чрезъ этихъ звѣрей благостью своею. Прошу васъ, братья моя, идите въ другое охотничье мѣсто, а этихъ ланей оставьте въ покоѣ, ибо онѣ Богомъ намъ даны на подкрѣпленіе немощныхъ нашихъ силъ.“ Охотники еще больше удивились и воскликнули:—„Велія есть, воистину, слава Божія, для которой тобой избрано терпѣніе въ понесеніе трудовъ въ этой пустынѣ, бѣдной всѣмъ нужнымъ на подкрѣпленіе тѣлесныхъ силъ, а какъ мы единовѣрцы твои, сдѣлай и насъ, богоносный отче, соучастниками въ твоей святости, чтобы и намъ поучаться отъ тебя совершенной волѣ Божіей. Съ этого времени не оставимъ тебя, какъ отца и пастыря и будемъ служить тебѣ, какъ наставнику нашему.“ - Но преподобный отвѣчалъ: „Нѣтъ, братья и дѣти мои! не дѣлайте сего, поелику мѣсто это, какъ вы сами видите, весьма жаркое и невыносимое для человѣка. Лучше возвратитесь къ своимъ мѣстамъ и тамъ служите Богу, удаляясь отъ всякаго зла и раздавая бѣднымъ и немощнымъ милостыню, „ибо творящій милостыню, взаимы даетъ Богу.“

Повинуясь словамъ святаго, охотники разошлись по своимъ селеніямъ и рассказали всѣмъ о видѣнномъ и слышанномъ ими отъ св. Давида. Многіе, пораженные этими разказами, спѣшили въ пустыню, чтобы видѣть святаго и получить отъ него благословеніе. Нѣкоторые изъ нихъ даже просили позволенія остаться въ пустынѣ, но пр. Давидъ говорилъ имъ: „Братіе! мѣсто это невыносимо для васъ, поелику безотрадно и никакая пища, требуемая человѣкомъ, здѣсь не обрѣтается; посему боюсь, какъ-бы вы не потеряли терпѣнія.“ Но они отвѣчали: „Съ тобою мы готовы переносить и голодь, и жажду, и всѣ бѣдствія и тѣсноты изъ любви къ Христу, поручая себя ходатайственнымъ св. молитвамъ твоимъ.“ — Давидъ, замѣтивъ искренность въ ихъ желаніи принять на себя иго Христова и въ слѣдованіи Христу, сказалъ имъ: „Такъ какъ вы нынѣ положили надежду свою на единаго Бога, твердо желая оставить міръ и всѣ его прелести, и рѣшились принять иго Христова и слѣдовать заповѣдямъ Божиимъ, то вы теперь идите и принесите съ собою молотки, что бы вырыть колодцы ⁸⁾ для воды и изсѣчь себѣ пещеры для жительства.“ Все это было исполнено ими; они водворились тамъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ число вновь желавшихъ поселиться каждый день стало увеличиваться, такъ какъ слухъ о св. Давидѣ и его подвигахъ разнесся не только по окрестностямъ, но и въ отдаленныя мѣста. Въ это время одинъ благочестивый подвижникъ—преподобный и блаженный Додо, узнавъ о подвигахъ св. Дави-

⁸⁾ Вообще, въ Гареджійскихъ пустыняхъ нѣтъ ключевой воды для питья въ достаточномъ количествѣ, а потому вездѣ устроены цистерны (قزاقون), куда стекается дождевая вода съ высокихъ горныхъ кражей, окружающихъ пустыню.

да, пришелъ къ нему и поселился тамъ. Св. Давидъ чрезъ нѣсколько времени сказалъ св. Додо: „Такъ какъ эти братья наши, оставившіе міръ и родныхъ своихъ, желаютъ устроить обитель, то мы не будемъ лѣнны въ заботахъ для пользы душъ ихъ. Посему, взойди съ нѣкоторыми братьями на высоту той каменной горы, возвышающейся напротивъ насъ, и устрой тамъ обитель нашимъ братіямъ для прославленія имени Господа нашего Иисуса Христа и для восхваленія Пресвятой Богородицы Дѣвы Маріи.“ Св. Додо, согласно съ желаніемъ пр. Давида, дѣйствительно, на назначенной горѣ устроилъ обитель, гдѣ и водворилось множество пустыльниковъ. Пр.-же Давидъ остался на прежнемъ мѣстѣ и выходя каждый день въ разсѣлину каменной горы, уединенно возсылалъ Богу постоянныя теплыя молитвы, омывая лицо свое благодарными Богу слезами. Однажды возшелъ онъ на высоту той горы, въ которой водворились его братья, и, по обыкновенію, въ нижней части одной скалы, съ простертыми къ небу руками, началъ молиться. Въ это время прилетаетъ къ ногамъ его фазанъ⁹⁾, преслѣдуемый ястребомъ, пущеннымъ на него охотникомъ изъ варваровъ¹⁰⁾. Варварь, приближась къ мѣсту святого, увидѣлъ его съ простертыми руками, молящагося, а у ногъ его фазана и ястреба своего вмѣстѣ мирно сидящими. Удивленный этимъ зрѣлищемъ, онъ говоритъ св. Давиду: „Кто ты и какъ здѣсь водворился?“ Святой отвѣчалъ: „Я есть рабъ Господа

⁹⁾ Фазановъ и теперь еще много по всей Ойваидѣ Грузинской.

¹⁰⁾ Подъ именемъ „варвара“ разумѣютъ араба. Аравяне въ эту эпоху начали уже селиться въ Грузію, не наводя еще опустошительнаго своего нашествія на новопросвѣщенное христіанствомъ царство Грузинское.

нашего Иисуса Христа; моему Милосердному приношу моленія о прощеніи множества грѣховъ моихъ и о удостоеніи меня спокойнаго переселенія изъ сего суетнаго земнаго въ небесный міръ“. Варварь снова спросилъ: „А кто здѣсь питаетъ и утѣшаетъ тебя?“ Святой отвѣчалъ: -Тотъ, на Котораго я уповаю и Которому поклоняюсь; Онъ есть Питатель и Промыслитель мой и всѣхъ тварей своихъ! Оставь ты эту бѣдную птицу, прилетѣвшую ко мнѣ грѣшному для избавленія ея отъ рукъ убійцы“. Гордый варварь, сидѣвшій на конѣ, смѣясь сказалъ св. Давиду: -Бѣдный монахъ, я хочу убить тебя самого, а ты велишь мнѣ оставить птицу въ живыхъ? Слѣдовало-бы тебѣ прежде просить о себѣ, нежели о сей птицѣ“.—Но смиренный отецъ кротко отвѣчалъ: „Ты не имѣешь никакой власти убить не только меня, но даже и эту малую, беззащитную птицу, ибо Богъ помощникъ мнѣ и Онъ избавитъ меня отъ угрозъ твоихъ“. Разгнѣванный этими словами, варварь схватился за мечъ съ цѣлью поразить его, но вдругъ, поднятая въ воздухъ рука его остановилась и какъ-бы оледенѣла. Тогда гордый варварь, понявшій свою дерзость, усмирился какъ рабъ и подавляемый трепетомъ упалъ съ лошади. Вмѣстѣ съ тѣмъ, припавъ къ ногамъ святаго, онъ обливаетъ ихъ слезами и проситъ прощенія въ своей винѣ, говоря:—„О, рабъ Бога живаго и благаго, будь ко мнѣ благимъ, исцѣли меня духовно и тѣлесно и прости меня за оскорбленіе, которое я нанесъ тебѣ по неразумію своему.“—Угодникъ Божій, милостивый Давидъ, услышавъ отъ него эти слова, умиленный душою, съ распростертыми къ небу руками, началъ молиться Богу: „Господи Иисусе Христе, преблагій и человѣколюбивый Боже! Ты, Владыко, который

помиловалъ молящагося раба Твоего и оледѣнилъ руку врага его, умилостивись и нынѣ, исцѣли руку этого жалкаго варвара, гордо поднятую имъ на меня, недостойнаго раба Твоего, чтобы онъ исповѣдалъ и прославилъ имя Твое святое во вѣки.“ Окостенѣвшая рука варвара, по совершеніи сей молитвы и прикосновеніи къ ней руки святого, мгновенно исцѣлилась. Варварь, удивленный такимъ чудомъ Божиимъ, съ благодареніемъ Бога за помилованіе свое, опять припадаетъ къ ногамъ св. Давида и со слезами проситъ: „Рабъ Бога живаго! я имѣю хромого и разслабленнаго сына; прошу тебя, умоли Бога твоего исцѣлить немощнаго отрока, ибо я увѣренъ, что Онъ услышитъ тебя, какъ вѣрнаго раба. Если онъ исцѣлитъ его, то прославится имя Его святое, и я всякое велѣніе твое исполню; я и всѣ кровные мои, освятившись св. Крещеніемъ, поклонимся Богу твоему, восхвалимъ преславное имя Его во вѣки и будемъ услужливыми рабами твоими“. — Давидъ говоритъ ему: „Иди въ домъ свой; какъ увѣровала, да будетъ по слову твоему: ты найдешь сына своего совершенно здоровымъ въ третьемъ часу пополудни“. Варварь, по имени Бубакаръ (בובאקר), исполненный великою радостью, и славя Бога, пошелъ въ домъ свой, — и вотъ, о радость! — встрѣчаетъ его сынъ совершенно здоровый. Войдя въ домъ свой, Бубакаръ узналъ отъ жены своей, что больной поправился въ третьемъ часу пополудни. Тогда Бубакаръ благодаритъ Бога и Его раба Давида за изцѣленіе сына. Разказавъ домашнимъ все случившееся съ нимъ и слышанное отъ св. Давида, онъ слѣдующій день утромъ приказываетъ рабамъ своимъ навьючить ослонъ разной и самой лучшею пищею и отправляется къ св. Давиду со своей семьей. При-

бывъ на мѣсто, Бубакаръ не засталъ тамъ святого, но посланные слуги послѣ долгихъ поисковъ нашли его между братіями и сообщили о прибытіи варвара. Бубакаръ пошелъ къ нему и, припавъ къ ногамъ его, со слезами говорилъ:— «Рабъ Божій, поистинѣ мы тебя познали цѣлителемъ душъ и тѣлесъ, такъ какъ сынъ мой исцѣлился; вотъ онъ стоитъ передъ тобою совершенно здоровый; и какъ онъ, такъ и другіе мои домашніе ожидаютъ твоего благословенія.» Св. Давидъ, положивъ руки свои на головы сыновей его, сказалъ: „Богъ, благословившій Авраама, Исаака и Иакова, да благословитъ и васъ.“ Затѣмъ слуги по и указанію Бубакара приготовили вечерній столъ, по окончаніи котораго всѣ встали и благодарилъ Бога. Когда-же Вубакаръ, на вопросъ св. Давида — какую просьбу имѣетъ онъ къ нему, выразилъ желаніе креститься со всѣмъ своимъ семействомъ, то преподобный съ ученикомъ своимъ Лукіаномъ отослалъ его къ св. Додо, чтобы онъ отпраздновалъ съ нимъ одного священника для просвѣщенія его съ домашними св. Крещеніемъ. Радуюсь этому душевно, св. Додо благословилъ Вубакара съ сыновьями и слугами и отпраздновался въ ихъ домъ съ однимъ священникомъ, отъ котораго Вубакаръ съ домашними своими вскорѣ и принялъ святое Крещеніе. Послѣ этого Вубакаръ пришелъ съ рабами къ св. Давиду и извѣкъ въ пустынь для братіи церковь, которая впоследствии была расширена и украшена преподобнымъ и богоноснымъ от. Иларіономъ.¹¹⁾ Послѣдній-же устроилъ въ

¹¹⁾ Св. Иларіонъ ходилъ въ Иерусалимъ и на время поселился въ пещерѣ Ильи Освятильника. По возвращеніи изъ пустыни Иорданской водворился опять въ Давидо-Гареджіюскую пустынь. Слава о его святости распространилась далеко и въ пусты-

ней съ южной стороны раку, гдѣ нынѣ почиваютъ мощи преп. Давида. Возлѣ этой раки на возвышенности находится могила св. Лукіана, подающаго исцѣленія многимъ страждущимъ и съ вѣрою прибѣгающимъ къ нему.

Въ другой разъ св. Давидъ вошелъ къ одному подвижнику изъ братіи, жившему въ одной изъ расщелинъ каменной горы, и спросилъ его—въ какомъ положеніи онъ находится? Тотъ отвѣчалъ: „Благодареніе Богу, честный отче! Святими молитвами твоими нахожусь въ добромъ состояніи. Но сія вода, бьющая изъ этой скалы, а равно и эта зелень, горьки какъ желчь; когда принимаю ихъ, чувствую большое отвращеніе и негодованіе, но въ то же время говорю себѣ: мученія ада несравнено горше. Лучше мнѣ вкушать горечь временную, дабы не подвергнуться вѣчнымъ мученіямъ.“ Давидъ, услышавъ это отъ него, обрадовался и говоритъ: „Не скорби, брате мой, умолимъ Бога нашего Іисуса Христа, Который въ пустынѣ Мерра горькую воду сдѣлалъ сладкою. Онъ-же подобно тому усладить и эту горькую воду.“ Послѣ этого монахъ, по приказанію св. Давида, наполняетъ сосудъ той водой и ставитъ предъ св. Давидомъ, а послѣдній, изобра-

ническаго уединенія онъ былъ приглашенъ на Няноцмянскую каведру, но онъ тайно удалился въ Грецію, черезъ Константинополь, и поселился въ одномъ изъ монастырей въ горахъ Олимпа Фессалійскаго. Послѣ пятилѣтняго пребыванія тамъ, онъ посѣтилъ Римъ, гдѣ жилъ два года. Потомъ окончательно водворился въ Фессалии и здѣсь сей великій чудотворецъ преставился въ 832 г. 19-го ноября. Императоръ Василій Македонскій торжественно перенесъ останки святого въ Константинополь въ 886 г. и положилъ ихъ подъ алтаремъ построенной имъ церкви во имя св. Апостоловъ, у Романскихъ воротъ.

звив знаменіе Креста Господня надъ водой, отдасть ему опять и говорить: „Пей, брате, безвредно.“ Монахъ пьетъ и находитъ вкусъ сладости¹²⁾ и, пораженный симъ чудомъ, началъ прославлять и благодарить Бога и раба Его Давида.

Устроивъ въ пещерахъ обители и водворивъ въ нихъ по образцу палестинскому порядокъ, св Давидъ Гареджійскій захотѣлъ исполнить всегдашнее свое пламенное желаніе видѣть св. великій земной градъ *Іерусалимскій* и поклониться его святынямъ. Собранное имъ многочисленное словесное стадо Христово поручилъ онъ неразлучному сотруднику своему и преемнику въ настоятельство о Лукіану и преп. Додо, самъ же съ нѣкоторыми изъ учениковъ отправился въ путь для поклоненія святымъ мѣстамъ, освященнымъ Божественными стопами Спасителя и его Пречистой Матери. Послѣ продолжительнаго и труднаго странствованія по опаснымъ въ то время мѣстамъ преподобный отецъ, наконецъ, достигъ желаемой цѣли. Когда странники дошли до мѣста, называвшагося „вершиною благодати“, откуда открывался въ пустынномъ своемъ величїи св. градъ Божїй Іерусалимъ, внезапный ужасъ объялъ святаго старца Давида и глубокое чувство смиренія проникло въ его святую душу. — „Какъ я дерзну, говорилъ онъ, грѣшными ногами своими поизрать слѣды Богочеловѣка, мѣста, освященныя Его святѣйшими Божественными стопами?“. Напрасно его уговаривали ученики продолжать путь къ Іерусалиму. — „Довольно съ меня и то-

¹²⁾ Тутъ есть два водныхъ ключа, одинъ отъ другого въ 2-хъ саженьяхъ разстояніи: одинъ услащенный молитвою святаго, а другой—съ той-же горечью, негодный для питья. Его называютъ Меррою грузинской Фиваиды.

го, отвѣчалъ смиренный Авва, что своими грѣшными очами удостоился узрѣть святая мѣста, хотя и издали*. Учениковъ же своихъ, какъ бы болѣе себя достойныхъ, отправилъ онъ для поклоненія Іерусалимскимъ святынямъ, завѣщавъ имъ вознести теплыя молитвы и за грѣшнаго ихъ отца надъ гробомъ Искушителя рода человѣческаго, а самъ издали, въ виду храма св. Гроба Господня, мысленно помолившись святынь Іерусалимской, взялъ себѣ въ благословеніе *три камня св. земли*, оросилъ ихъ горячими своими слезами и пошелъ въ обратный путь съ успокоеннымъ сердцемъ, что милосердный Богъ сподобилъ его приблизиться къ св. Іерусалиму и исполнить свой послѣдній священный обѣтъ.

Всеблагій Богъ, видя такое смиренномудріе раба Своего Давида, благоволилъ открыть людямъ его святость и вѣру. Онъ послалъ Своего ангела къ Иліи, патриарху Іерусалимскому, сказать ему въ сонномъ видѣніи: «Мой возлюбленный рабъ Давидъ, приблизившись къ Іерусалиму, взялъ съ собою благодать его. Теперь же отправь скороходовъ, дабы догнать его, идущаго за городомъ, одѣяннаго въ ветхія одежды и держащаго въ рукѣ корзинку, въ которой лежатъ три камня и, взявъ у него тѣ камни, возвратитъ только одинъ и сказать ему: Такъ повелѣваетъ тебѣ Богъ: по вѣрѣ твоей взята тобою благодать Моего града Іерусалима, но Мнѣ угодно, чтобы двѣ части ты возвратилъ Іерусалиму, дабы совершенно не лишитъ его благодати, а третью часть даю тебѣ для пустыни твоей. Возьми камень этотъ, какъ благодать, въ твою пустыню для памяти и извѣщенія вѣры твоей*. Патриархъ, проснувшись, весьма удивился этому дивному сновидѣнію; онъ, немедля, призвалъ скороходовъ и, рассказавъ имъ все

видѣнное во снѣ, посылаетъ ихъ въ догоню къ св. старцу Давиду. Они скоро догнали прендобнаго Давида и рассказали ему все, что видѣлъ во снѣ и слышалъ отъ ангела Божія патриархъ Іерусалимскій, и передали его просьбу о томъ, чтобы прендобный отецъ Давидъ, о которомъ уже все говорили въ Іерусалимѣ, какъ о святомъ и великомъ подвижникѣ, не отказался войти въ градъ Давидовъ. Св. Давидъ возблагодарилъ Бога, что удостоился благодати Его и, отдавъ два камня посланнымъ, изъ смиренія уклонился исполнить просьбу Іерусалимскаго патриарха, и съ однимъ малымъ камнемъ ¹³⁾, но съ великою благодатию Божіею, возвратился онъ, къ общей радости оставленныхъ духовныхъ чадъ своихъ, въ свою пустыню, гдѣ и положилъ камень (בִּלְעֵלֶם אֶבֶן — благодатный камень) святой земли.

Вскорѣ Св. Давидъ мирно предалъ Богу свою святую душу. Предъ кончиною своею, которая предварительно была возвѣщена ему Богомъ, онъ призвалъ всехъ своихъ братій и далъ имъ разныя душеспасительныя наставленія. Затѣмъ, по отслуженіи литургіи, приобщился св. Таинъ Христовыхъ, и съ простертыми къ небу руками, возведя свой взоръ и благодаря Бога, испускаетъ духъ свой съ миромъ. О потерѣ такого добраго и кроткаго настыря своего и цѣлителя душъ и тѣлесъ, братія долго рыдала и плакала.

Сего св. мужа Богъ прославилъ и по смерти. Одинъ монахъ, слѣдой отъ рожденія, прикоснувшись къ праху св. Давида, мгновенно прозрѣлъ и началъ видѣть. И нынѣ, кто съ вѣрою помазуется прахомъ его изъ гроба, от-

¹³⁾ Онъ вѣситъ 69 золотниковъ.

куда исходить благовонное и пріятное дыханіе, тотъ и тѣломъ и душою исцѣлеваетъ. Грузинская церковь причислила Давида къ лику святыхъ и установила въ память его праздникъ въ тотъ день, въ который онъ преставился, а именно—въ четвергъ на седьмой недѣлѣ послѣ Пасхи; наряду-же съ прочими XIII отцами празднуется память его 7-го Мая.

Продолжимъ-же рассказъ нашъ о чудодѣйственномъ камнѣ. Камень этотъ, привлекавшій въ пустыню Гареджійскую несмѣтное количество богомольцевъ, послѣ блаженной кончины св. Давида лежалъ на могилѣ его, находящейся въ нещерѣ (მღვიმე), которую въ IX вѣкѣ расширилъ своими руками св. Иларіонъ, устроившій и раку для мощей св. чудотворца Давида. И до нынѣ, замѣчаетъ писатель житія его¹⁴⁾, обильныя исцеленія истекаютъ отъ его гроба и бывають при камнѣ, принесенномъ имъ изъ святой земли¹⁵⁾, ибо троекратная здѣсь молитва, какъ свидѣтельствуется грузинская лѣтопись ქართლის ცხოვრება, равняется одному паломничеству въ Іерусалимъ¹⁶⁾.

¹⁴⁾ Житіе преп. Давида Гареджійскаго Чудотворца. Полн. жизн. св. груз. церк. М. Сабинава. Ч. I, стр. 123—140; О празд. устан. прав. груз. церк. Д. Нурцеладзе стр. 52—59; საქართ. სამთხე. მ. საბინისა, გვ. 265—285 და ქართლ.-ცხოვრ. ნაწ. I, გვ. 152—153.

¹⁵⁾ До X вѣка древнее жизнеописаніе святаго Давида Гареджійскаго считалось потеряннымъ, но оно было отыскано еще прежде, чѣмъ католикосъ грузинскій Арсеній на основаніи уцѣлѣвшихъ еще въ памяти народа свѣдѣній и краткихъ сказаній приступилъ къ составленію новаго жизнеописанія. Между манускриптами моими, говоритъ Ил. Юсселиани, есть одно жизнеописаніе подробнѣе Арсеніева, составленное неизвѣстнымъ авторомъ.

¹⁶⁾ „ვანაიდგან სამ-გზის აქა (უდაბნოში) ლოცვა მიესწორების ერთ-გზის იერუსალემსა მი'ვლასა“. იხ. ქართლ.-ცხოვრ. ნაწ. I, გვ. 153

Долго ли благодатный камень, принесенный св. Давидомъ изъ Іерусалима, находился на его могилѣ, когда и кѣмъ онъ былъ сокрытъ, никому не было извѣстно. Дальнѣйшую любопытную исторію этого камня мы отыскали въ библіотекѣ Квабташевскаго монастыря, между ея рукописями¹⁷⁾, которую, въ виду ея высокаго интереса и значенія, приводимъ здѣсь дословно. „Сколь не любопытно, говоритъ авторъ древней этой рукописи, было знать: куда камень сей обращенъ по доставленіи его съ Святой Земли, но обстоятельство сіе скрывалось неизвѣстностью до 1811 года. А въ семь году бывшій настоятель Давидъ-Гареджійской обители, архимандритъ Иларіонъ (родомъ изъ князей Бебуровыхъ¹⁸⁾,

¹⁷⁾ Рукопись эта на сѣрой толстой бумагѣ, она переведена съ грузинскаго языка, какъ значится на ней, и имѣетъ съ боку съ лѣвой стороны слѣдующую приписку: „ძიავ! მომეტყვეთ, რომ დაგიკვირნეთ: ბატონი რძალი ბებნდებოდა აქ და ბატონი შვილი და იმიტომ ვერ მოვიცალე. თქვენნი იაკობო. Дядишка! Простите, что замедлилъ; госпожа невѣстка была здѣсь и барить и потому не могъ освободиться. Вашъ Іакинѣ“. Кѣмъ написана эта рукопись первоначально по-грузински, откуда Іакинѣ переписалъ или перевелъ на русскій языкъ, неизвѣстно. Поименованный выше Іакинѣ, — сынъ протоіерея Анчисхатскаго собора Дмитрія Алексіева-Месхіева; дядишка же, упоминаемый въ припискѣ — архимандритъ Тарасій, первый настоятель Квабташевскаго монастыря по его возобновленіи и братъ протоіерея Дмитрія Алексіева-Месхіева. По напечатаніи этой статьи въ краткихъ описаніяхъ грузинскихъ обителей Архимандрита Тарасія, печатавшихся въ „Груз. Дух. Вѣст.“ мы нашли и этотъ важный документъ о чудодѣйственномъ камнѣ Давидо-Гареджійской пустыни. ს.ქ. სახელ. შახარ. 1864 წ. გვ. 40—42.

¹⁸⁾ Архимандритъ же Тарасій свидѣтельствуетъ, что бывшій настоятель Давидо-Гареджійской обители Иларіонъ происходилъ изъ княжеской фамиліи Вачнадзевыхъ. — См. Крат. свѣд. о груз. мон. стр. 13.

приступивъ къ возобновленію церкви Преображенія Господня, изсѣченной въ сей обители изъ натурального камня, въ коей почиваютъ и священные останки преподобнаго Давида Гареджійскаго, нашель необходимымъ сломать бывшія въ ней двѣ колонны, изъ коихъ одна возвышалась съ восточной стороны у иконостасной боковой двери, а другая примыкала къ кирпичной пристройкѣ на известкѣ, имѣющей вънутри означенной церкви съ южной стороны. При таковой сломкѣ въ первой колоннѣ (у иконостасной двери) оказалась стѣна, вмѣщавшая въ себѣ амбразуру довольно величины—обѣ оштукатуренныя алебастромъ. На амбразурѣ сей была видна живонись, представлявшая св. Давида и преподобнаго Додо, цѣловавшихъ какъбы другъ у друга руки и привѣтствовавшихъ съ радостью, произведенною новымъ свиданіемъ,—съ слѣдующей на ней надписью: „Образъ пришествія св. Давида изъ Іерусалима“. А когда надобность потребовала уничтожить и сію стѣну съ живонисью, то въ ней оказалась другая таковая съ небольшою амбразурою, вмѣщавшею въ себѣ самую малую амбразуру, соответствовавшую величинѣ помянутаго камня, кои всѣ также были оштукатурены алебастромъ. Въ послѣдней изъ нихъ найденъ св. камень съ знаками горѣвшей предъ нимъ свѣчи и поблекшими отъ времени небольшими *ბაღვავთი* ¹⁹⁾ ея. Камень сей величиною не много менѣе гусинаго яйца, подобно оному продолговатъ и оканчивается конически. На остромъ концѣ его видно пятно, имѣющее цвѣтъ темной (застарѣлой) крови, и на

¹⁹⁾ Въ рукописи грузинское слово „*ბაღვავთი*“ оставлено безъ перевода. *ბაღვავთი*—отгонки восковой свѣчки или отлипокъ свѣчной капли.

одной сторонѣ вдоль отъ одного конца до другого замѣтна тонкая черта того же цвѣта; цвѣтъ же самаго камня представляетъ смѣсь краснаго съ бѣлымъ. Онъ имѣетъ чудотворную силу, оказывающую благотворное вліяніе на прикасающихся къ нему съ вѣрою. Братья св. обители, слѣдуя примѣру прен. Отець, сберегшихъ св. камень въ описанномъ мѣстѣ, сохранили его въ той же церкви въ особомъ мѣстѣ отдѣльно отъ перваго, извѣстномъ только нѣкоторымъ старѣйшимъ изъ нихъ²⁰. „Но на праздникъ св. Давида, говоритъ архимандритъ Тарасій, дополняя сказаніе о св. камнѣ, вынимаютъ его изъ хранилища для поклоненія и потомъ опять сокрываютъ“²⁰).

Дальнѣйшая судьба этого камня не менѣе интересна и поучительна. Въ 1857 году лезгины, злѣйшіе враги грузинской православной церкви, напали на беззащитную Давидо-Гареджійскую пустынь, разграбили ее, разрушили раку св. Чудотворца Давида, забрали священные сосуды, драгоценныя иконы и чудодѣйственный камень, находившійся въ маленькомъ ковчегѣ подъ престоломъ и вмѣстѣ съ этимъ захватили въ плѣнъ іеромонаха Митрофана (бывшаго протоіерея М. Нацвалова) и трехъ послушниковъ. Возвратившись домой, они раздѣлили награбленную добычу между собою, а чудодѣйственный камень, значенія и цѣны котораго они не понимали, сохранили въ потолокѣ дома. Слѣдя за этимъ, вышеупомянутый іеромонахъ Митрофанъ запомнилъ мѣсто храненія св. камня.

Спустя годъ іеромонахъ Митрофанъ освободился изъ плѣна при помощи выкупа и заступничества св.

²⁰) Крат. свѣд. о груз. монаст. архим. Тарасія стр. 14.

Давида и уходя домой, тайно от лезгинъ взялъ благодатный камень, какъ онъ называется грузинами, принесъ и съ благоговѣнiемъ передалъ Иоанну Джорджадзе, настоятелю Давидо-Гареджійской пустыни, въ которой онъ по сіе время съ честью сохраняется.

Въ 1878 году одинъ татаринъ-настухъ украдкою приблизился къ пещерѣ, въ которой струился источникъ, испрошенный молитвами преподобнаго Давида и получившій поэтическое названіе *слезъ Давида*, и источникъ послѣ прикосновенія руки нехриста изсякъ. Сильно опечалились всѣ, что въ безводной и пустынной мѣстности они лишились источника, служившаго для нихъ единственнымъ утѣшеніемъ въ знойные дни, бываемые въ караязской степи.

Настоятель о. Софроній (Абеловъ), немедленно по этому случаю пригласилъ братію, облачились всѣ и благоговѣнно взявъ св. камень, направились къ бывшему источнику и здѣсь отслужили молебенъ преподобному Давиду. По окончаніи молебнаго пѣнія, омыли св. камень водою и этою водою начали окроплять въ пещерѣ то мѣсто, откуда истекалъ источникъ и еще окропленіе не было окончено, какъ къ общей радости опечаленной братіи по прежнему забилъ источникъ, который по сіе время вытекаетъ изъ скалы.

Подобный же случай имѣлъ мѣсто и въ 1836 году 3/4 февраля. Татары-настухи съ своими стадами перешли по скалистому гребню надъ пещернымъ храмомъ Іоанна Богослова и вошли въ ту самую пещеру, гдѣ находился источникъ *слезъ Давида*. Здѣсь они совершили полуденную молитву и предписываемый кораномъ *намазъ*. Послѣ совершенія этого осквернительнаго обряда источникъ совершенно изсякъ. Узнавъ объ этомъ іеро-

монахи: Симонъ (Цулукидзе), Иостосъ и Стефанъ, съ благоговѣніемъ принесли благодатный камень и совершили предъ нимъ молебенъ. По окончаніи молебствія окропили крестообразно и источникъ по прежнему началъ струиться ²¹).

„Много говоритъ сердцу этотъ простой камень, залогъ необычайнаго смиренія“, свидѣтельствуемъ известный паломникъ по святымъ мѣстамъ А. Н. Муравьевъ ²²). И подобный простой съ виду камень, добавимъ мы съ своей стороны, въ рукахъ угодника Божія, по Его святой волѣ, получаетъ чудодѣйственную силу и пріобрѣтаетъ значеніе святыни для грядущихъ вѣковъ и поколѣній!

II.

Святая обитель пренедобнаго Давида Гареджійскаго подъ благодѣтельнымъ скипетромъ грузинскихъ царей и всероссійскихъ императоровъ постоянно пользовалась спокойствіемъ и защитою отъ враговъ, но бывали и такіе моменты, когда обитель эта была разоряема и опустошаема, подвергаясь всѣмъ ужасамъ человѣческаго изувѣрства и безсердечнаго своеволя. Хотя иноки, оставивъ мирскія блага, молятъ Творца о мирѣ всего міра, но міръ возлѣ лежащей, особенно міръ не вѣрующей въ Іисуса Христа, не знаетъ или мало знаетъ ихъ; поэтому гонитъ ихъ, преслѣдуетъ и убиваетъ. Милосердый Богъ, дивно избавляя благочестивыхъ отъ искушенія и всякаго зла (2 Петр. 2, 9), попускаетъ

²¹) Записано со словъ настоятеля Анчисхатскаго Перукотвореннаго Спаса Собора священника о. Полиевкта Карбелова, который самъ былъ очевидцемъ этого чуда.

²²) Грузія и Армения. Муравьева, ч. I, стр. 106.

иногда на нихъ разныя напасти и бѣдствія не въ одно наказаніе за грѣхи, а для всесовершеннаго очищенія отъ всякой скверны плоти и духа и для укрѣпленія и утвержденія въ добродѣтели. Между многочисленными подобными фактами исторіи Христіанской церкви священная древность повѣствуетъ объ избіеніи преподобныхъ отцовъ въ Сіонѣ и Райфѣ (память ихъ 14 января) и въ обители св. Саввы Освященнаго (память 20 марта), а Грузинская церковь свято хранитъ сказаніе объ избіеніи св. мучениковъ-инокъ въ обители преподоб. Давида Гареджійскаго.

До насъ дошло два повѣствованія объ опустошеніи Давидо-гареджіиской Лавры, заключающія въ себѣ ужасныя, душу потрясающія событія, вполне отвѣчающія дѣйствительности. Событія эти мы и приводимъ ниже, придерживаясь, по возможности, подлинника.

Позавидовалъ врагъ человѣческаго рода преусиленію инокъ Давидо-Гареджіиской обители въ вѣрѣ и благочестіи и ихъ тихому, безмолвному и благотворному житію для блага Грузинской церкви и народа: онъ воздвигъ на нихъ жестокое гоненіе со стороны невѣрныхъ. Была прелестная южная весна (конецъ марта и начало апрѣля) 1616—17 года; приближалась Пасха или свѣтлое Христово воскресеніе—этотъ всерадостный праздникъ для христіанъ. Давидогареджіискіе иноки готовились къ достойному празднованію того великаго дня, не зная, что это празднованіе Пасхи будетъ для нихъ послѣднимъ на землѣ. Въ это роковое для Гареджіискихъ инокъ время былъ расположенъ въ Караязскихъ стѣняхъ съ многочисленными своими скопищами грозный повелитель Персіи и страшный разоритель Грузіи, Шахъ-Аббасъ I. Одни говорятъ, что

онъ былъ здѣсь на охотѣ, а другіе, что онъ остановился для отдыха, отправляясь, послѣ опустошенія Кахетіи, въ Тифлисъ. Шахъ спалъ въ богато убранной палаткѣ; вокругъ нея были расположены палатки главныхъ его воиновъ и тѣлохранителей, а далѣе—лагерь его полчищъ. Около или послѣ полуночи, ближе къ разсвѣту, стали доходить до Шахскихъ ушей съ береговъ Куры тихое вѣяніе вѣтра и шумъ рѣки, а изъ ближайшихъ полей и горъ—пѣніе птицъ и вой звѣрей. Шахъ проснулся и, почивая еще на роскошной тахтѣ (въ родѣ кровати), предался мечтамъ и размышленіямъ о своемъ могуществѣ и о своихъ подвигахъ во славу милостиваго къ нему Аллаха (Бога), разумѣя подъ словомъ „подвигъ“ безжалостное истребленіе христіанъ во всѣхъ покоренныхъ имъ странахъ. Вдругъ палатку его озарилъ слабый, едва замѣтный огненный свѣтъ, что показалось ему сначала оптическимъ обманомъ или призракомъ; но Шахъ сильно встревожился, всталъ съ постели, посмотрѣлъ на дворъ и видитъ на краю стени, гдѣ-то на горѣ, множество огней, которые какъ будто двигались и шли. „Что это такое, закричалъ онъ, указывая на огонь, —пожаръ что-ли“? „Пресвѣтлый, все-сильный Шахъ“, отвѣтили ему воины, въ числѣ коихъ много было христіанъ настоящихъ, но тайныхъ, и бывшихъ (отступниковъ отъ вѣры): они знали этотъ огонь и мѣстность и потому отвѣтили Шаху съ низкимъ поклономъ. „Сегодня, Государь, Шахъ, большой праздникъ у христіанъ, а тамъ живутъ Гареджійскіе монахи, которые празднуютъ Пасху Христову и обходятъ церковь съ возженными свѣчами“. Истребить сейчасъ всѣхъ, вспыхнулъ Шахъ! „Всесвѣтлый Шахъ“!—стали докладывать ему болѣе челоуколюбивые изъ вельможъ его

воины. „Эти люди мирные, не носятъ оружія и совершенно не опасны для Шахскаго величества; они молятся только Богу о всѣхъ и помогаютъ даже нашимъ правовѣрнымъ, принимаютъ ихъ у себя на ночлегъ, кормятъ ихъ и снабжаютъ всѣмъ необходимымъ и самъ пророкъ велѣлъ щадить такихъ молитвенниковъ“. „*Копакъ-оглы*,²³⁾ заревѣлъ Шахъ. Кто смѣетъ противиться моей волѣ! Послать сейчасъ воиновъ, истребить всѣхъ“!

Отправивъ отрядъ конницы на ужасное дѣло, Шахъ нѣсколько успокоился и предался обычнымъ своимъ мечтамъ и думамъ. „Ахъ, несносный, ненавистный Гурджистанъ (Грузія), говорилъ онъ тихо; я думалъ, что не осталось живой души этихъ нечистыхъ (т. е. христіанъ); а тутъ, почти около меня, люди безнаказанно ходятъ и еще со свѣчами. Нѣтъ, нѣтъ, не оставлю ихъ, — истреблю всѣхъ“.

Гареджійскіе иноки узнали о своей участи ночью, послѣ великой Субботы, за нѣсколько часовъ до начала пасхальной службы. Ангелъ Божій явился настоятелю обители, св. Арсенію, и сказалъ ему: „въ эту ночь вы будете истреблены отъ меча непріятельскаго“. Какъ ни горька была для всѣхъ эта вѣсть среди пасхальной радости, но настоятель, послѣ нѣкотораго колебанія, оповѣстивъ объ этомъ братію и сказалъ имъ: „въ эту ночь Господь призываетъ насъ къ Себѣ, — всѣ мы будемъ истреблены отъ меча агарянскаго. Итакъ изберите одно изъ двухъ — или приготовьтесь къ принятію мученическихъ вѣнцовъ смертію отъ меча, или удалитесь

²³⁾ Ругательное слово у мусульманъ, произносимое въ сильномъ гнѣвѣ.

изъ обители и сохраните жизнь кому какъ внушитъ Богъ". Все отвѣтили ему единодушно и единогласно: „честнѣйшій отецъ и наставникъ нашъ! Если Господь призываетъ насъ къ Себѣ въ эту же ночь, мы радуемся этому. Мы для того живемъ здѣсь, оставивъ все въ мѣрѣ, чтобы наследовать царство небесное и жить со Христомъ. Это начало и конецъ нашего здѣсь пребыванія. Только молись за насъ Богу, отецъ святой, да не оскудѣетъ вѣра наша“.

Малодушными оказались только двое изъ молодыхъ послушниковъ, не могшіе еще побѣдить своихъ немощей: сначала они удалились изъ монастыря, но скоро возвратились и приобщились къ лику прочихъ мучениковъ. Все готовились къ мученической кончинѣ—іеромонахи и іеродіаконы чрезъ божественное священнодѣйствіе, а простые иноки чрезъ причащеніе Таинъ Христовыхъ. Настала часъ—и началась пасхальная служба въ главномъ, соборномъ храмѣ воскресенія Христова, находившемся на вершинѣ горы, гдѣ были собраны, по монастырскому обычаю, все иноки Давидогареджійской и ближайшихъ къ ней обителей и скитовъ, числомъ около 6000 человекъ. Молились они съ тою вѣрою, съ тою горячностію души, какая присуща истинному христіанину въ послѣднія минуты жизни. Началось христосованіе, по чиноположенію. Иноки лобызали священные предметы—Крестъ, Евангеліе, иконы и другъ друга, радовались и плакали. Всерадостныя слова: „Христосъ воскресъ. Воистину воскресъ!“—облегчали внутреннія страданія и волненія благочестивыхъ, идущихъ на закланіе ради Христа. Божественная литургія приближалась къ концу, загѣли: „*отче нашъ*“—и явились войны

шахскіе, звашіе св. иноковъ къ Отцу небесному, чтобы успокоиться имъ на вѣки отъ всякой болѣзни и печали. Воины быстро окружили храмъ, чтобы никто не избѣгъ острія меча, запѣли веселыя пѣсни, заиграла музыка (персидская зурна), но не на радость св. обители, а въ знакъ торжества нечестивыхъ при пораженіи невинныхъ, безоружныхъ служителей Царя небеснаго.

Христоненавистные варвары, окруживъ святое собраніе, сказали преподобнымъ отцамъ: «или откажитесь отъ Христа, Которого вы исповѣдуете. и принявъ вѣру нашего пророка пребудете съ нами въ братскомъ союзѣ, и такую же жизнь будете имѣть между нами: если же не послушаетесь насъ, вотъ обнаженныя оружія въ рукахъ нашихъ, которыми истребимъ васъ до единаго».

Тогда настоятель великой лавры Авва Арсеній и другіе отцы отвѣтили варварамъ, какъ и трое отроковъ Навуходносору, что „мы законоположеній живаго апостола вашего не принимаемъ и не оставимъ Владыку нашего и Господа Іисуса Христа, ради Имени котораго мы, удалившіеся отъ міра, водворились въ пустынные сіи мѣста. Для насъ мечъ и смерть ничто, такъ какъ они для плоти живой только страшны, а мы, принявшіе крестъ, вышли отъ міра съ Христомъ Нашимъ на распятіе, добровольно умертвивъ плоть свою. Смерть—радость велія для насъ, ибо разрушается грѣховная и немощная плоть наша, бодрствующая душа наша приѣмлетъ упокоеніе въ рукѣхъ Бога Отца и общеніе со Христомъ Богомъ Нашимъ», такъ говорилъ преподобный Арсеній. „Но умоляемъ васъ, о варвары, если жаждете смерти нашей и захвата сокровищъ монастырскихъ нашихъ, да будетъ вамъ извѣстно, что посреди насъ не обрѣтается ни одинъ воо-

руженный и желающій бороться и воспротивиться вамъ.

Мы, собравшіеся на торжество пасхи отпраздновать и ѣсть Пасхи вѣчной, все укрѣпляемся вдохновеніемъ души нашей, взявши въ руки жезлъ вѣры во Христа. Молимъ васъ, дайте намъ по человѣколюбію время, чтобы вкусить намъ вѣчную сію и нетлѣнную Пасху, которая есть плоть, ради насъ на крестѣ волею закланнаго, Агнца непорочнаго и невиннаго Христа, а послѣ того мы добровольно предадимъ себя въ руки ваши, и принесемъ въ жертву. Отцу съ Нимъ, ради насъ въ жертву принесеннымъ. Охраняйте входы этой перкви бдительно, чтобы никто изъ насъ не ускользнулъ отъ рукъ вашихъ! Нѣтъ никого въ помощь намъ, чтобы чрезъ нихъ имѣть надежду спасенія отъ васъ; мы все добровольно предаемъя усмотрѣнію вашему и по совершеніи божественной Литургіи творите съ нами, что хотите“.

Услышавши слова сіи, варвары разсудили между собою, что „они ниоткуда не ждутъ помощи про:ивъ насъ, а сами не могутъ воспротивиться намъ: безлюдны монастыри ихъ и если кто обрѣтается въ нихъ, и тѣ не могутъ противустоять намъ. Поэтому все драгоцѣнности монастырскія нынѣ же въ нашей власти. Дадимъ имъ время по просьбѣ ихъ и потомъ расправимся съ ними по волѣ нашей“. Такимъ образомъ Богъ, „уже хочетъ всеѣмъ человѣкомъ спастися и въ разумъ истины придти“, Который напередъ сподобилъ ихъ быть мучениками Истины и пріобщилъ Христа Своего, — почтилъ ихъ тогда, ради имени Сына своего, пресвятымъ страстемъ и пребезжалостныхъ враговъ сихъ привелъ въ милость, ибо не попустилъ ихъ на святыхъ своихъ пока не вкусили животворящей Пасхи.

Причастившись спасительныхъ Таинъ Христо-
выхъ и окончивъ послѣднюю службу въ храмѣ руко-
творенномъ, иноки укрѣпились въ вѣрѣ и вышли къ
войнамъ, одѣтые по праздничному, имѣя во главѣ до-
стойнаго своего вождя—настоятеля, и вотъ началась
поразительная сцена—поголовное истребленіе ни въ
чемъ неповинныхъ людей; были посѣчены все до одно-
го, даже и тѣ двое, которые сначала спрятались было,
но потомъ вышли изъ своего убѣжища и приняли муче-
ническую кончину отъ воиновъ—истребителей. Такимъ
образомъ монастырскій дворъ и соборный храмъ на-
полнились обезображенными трупами человѣческими.
Послѣ сего войны разошлись по другимъ, ближайшимъ
монастырямъ и скитамъ, и гдѣ только находили пре-
старѣлыхъ, больныхъ или въ уединеніи жившихъ, всѣхъ
предавали мечу. О погребеніи рабовъ Божіихъ никто
и не думалъ:—своихъ не было никого, а войны оста-
вили всѣхъ на мѣстѣ, на произволь судьбы и въ пищу
птицамъ небеснымъ и звѣрямъ земнымъ. Иноковъ истре-
блено въ это время около 6000 человѣкъ. Покончивъ
все съ человѣческими жертвами, войны начали разру-
шать и опустошать церкви и келліи иноковъ, чтобы
чѣмъ-нибудь еще поживиться, ибо обитель славилась
и по своему богатству. Послѣ же возвратились къ своему
жестокому повелителю и рассказали все, что они ви-
дѣли и сдѣлали въ обители св. Давида Гареджійскаго
и какъ они точно исполнили шахское повелѣніе; за что
удостоились получить его благоволеніе. Такъ исполни-
лось предсказаніе Спасителя: *наступастъ время—ска-
залъ Онъ ученикамъ своимъ,—когоа всякій, убивающій
васъ, будетъ думать, что онъ тѣмъ служитъ Богу.
Такъ будутъ поступать, потому что не познали ни
Отца, ни Меня* (Еванг. Іоан. 16, 2, 3).

Святость сихъ, закланныхъ Христа ради, иноковъ засвидѣтельствована многими знаменіями и чудесами: 1, на небѣ явился огненный столпъ, который сіяніемъ своимъ превосходилъ лучи солнца и освѣтилъ мѣсто страдальческихъ ихъ подвиговъ; 2, показались многіе лучезарные вѣнцы, которые какъ-бы плавали въ воздухѣ прямо противъ Гареджійской обители; 3, кости страдальцевъ начали издавать (и теперь издаютъ) такое благовоніе, которое можетъ побѣдить всѣ ароматы міра и 4, на землѣ, пропитанной кровію ихъ, выросла (и теперь вырастаетъ ежегодно) необыкновеннаго свойства роза: она растеть не выше обыкновенной полевой травы и цвѣтеть съ мая мѣсяца до конца іюня, не требуя ни поливки, ни ухода; осенью пасущійся здѣсь скотъ уничтожаетъ ее вмѣстѣ съ травой, а весною она опять появляется въ прежнемъ видѣ; въ другомъ мѣстѣ нигдѣ она не принимается, не смотря на самый заботливый уходъ; запахъ ея—удивительно пріятный. Эти и подобныя свѣдѣнія о страдальцахъ были тщательно собраны благоговѣйными людьми, провѣрены и приведены въ извѣстность. Посему останки ихъ были собраны, по повелѣнію царя Теймураза I, (1605—1663 г) и положены вмѣстѣ въ одинъ большой, каменный ящикъ, въ родѣ гроба или раки, и хранятся въ каменной же щельцѣ у церкви, выстроенной въ честь ихъ и носящей названіе „моцамети“, т. е. мученической (какое названіе носить въ Имеретіи, близъ г. Кутаиса, монастырь, въ которомъ почиваютъ мощи св. мучениковъ Давида и Константина). Патріархъ—католикось Антоній I составилъ службу и установилъ праздновать память ихъ во вторникъ св Пасхи, ²⁴⁾ а позднѣйшій пре-

²⁴⁾ Духов. Вѣст. Груз. Экз. 1892 г. № 9, стр. 17—21.

емникъ его по первосвятительской кафедрѣ въ Грузіи, блаженной памяти бывшій экзархъ, митрополитъ Иона, изъ благоговѣнія къ св. мученикамъ—инокамъ, устроилъ для себя панагію, съ изображеніемъ на финифти св. Троицы, коронующей Божию Матерь, а внутри оной вложилъ моши *св. мучениковъ, убиенныхъ въ Иверіи въ первый день Пасхи*. Въслѣдствіи эту панагію онъ послалъ въ даръ въ Калужскій Лаврентіевъ монастырь, гдѣ она находится и нынѣ ²⁵⁾.

19-го Іюля 1851-го года, во время вечерни, безбожные лезгины, пользуясь непроницаемой тьмою ночи и отсутствіемъ у монастырской братіи стражи, ворвались въ святую обитель и первымъ дѣломъ начали рѣзню монашествующихъ, бывшихъ въ это время безъ своего настоятеля, архимандрита Іоанна, который по дѣламъ службы находился въ ближайшемъ селѣ. Повторилось тоже самое, что и раньше, при настоятелѣ, архимандритѣ Онуфриѣ, когда лезгинами были убиты блаженные отцы Шіо, Гавріиль и Давидъ и рясофорныхъ (ἄρτοδωκίμωνες) 5 человекъ. На этотъ-же разъ, по внушенію исконнаго врага человѣческаго рода, ненавистники креста Христова лишили жизни блаженнаго отца, іеромонаха Геронтія, мужа великаго разума, любителя и извѣстнаго знатока ивнїа, который по преклонности возраста своего и немощи пребывалъ на ложѣ, не имѣя возможности двигаться; пролилась чистая кровь его, какъ кровь укрывшагося Захарїи, сына Варуха, убитаго въ святилищѣ. Не избѣгнулъ такой-же горькой участи и іеромонахъ Серапіонъ; ему невѣрные раздробили голову обоюдоострымъ оружіемъ, при чемъ бры-

²⁵⁾ Калужскія Епарх. Вѣдомости за 1862 г. стр. 86.

знувшая въ обилии кровь обогрила сѣдые волосы и бороду его, уготовавъ ему мученической вѣнецъ.

Безжалостно и безчеловѣчно вмѣстѣ съ ними убиты были рясофорные монахи Германъ и Виссаріонъ, благочестивый мужъ Михаилъ Картвелишвили, смиренно и безропотно предавшій Богу свою душу; соучастниками имъ были и послушники Отаръ Еліозовъ и Симонъ Ломидзе. Кровь этихъ мучениковъ пролилась и земля, жаждавшая напиться, разверзла утробу свою и напоила ее теплою влагою, какъ часто бывало и раньше, во времена неоднократныхъ нападеній безбожныхъ людей. Затѣмъ, христоненавистники набросились на священное достояніе христіанъ—храмы и ихъ сокровища: драгоценные сосуды, иконы, чаши, облаченія и т. д. и, выбравъ изъ нихъ наиболѣе цѣнные, захватили ихъ. Между этими вещами были предметы, униженные драгоценными, рѣдкими въ наше время, камнями, какъ—то: евангелія, престолы, древнѣйшія облаченія архіереевъ. Захвативъ все это въ свои руки, безбожные лезгинны накинудись на оставшихся въ живыхъ иноковъ, іеромонаховъ Макарія и Исаака, іеродіакона Сергія, послушниковъ Михаила Долмазова и Василя изъ Кизикіи. Остался лишь незахваченнымъ послушникъ Давидъ Долмазовъ, который нынѣ состоитъ іеромонахомъ въ той-же Давидгареджійской пустыни. Онъ спасся благодаря тому, что успѣлъ во время укрыться въ выдолбленной въ скалѣ пещерѣ. Между тѣмъ два послушника, какимъ-то образомъ спасшись, убѣжали въ Іоанно-крестительскую пустынь и обо всемъ случившемся рассказали братіи ея. Изъ нихъ въ настоящее время священствуетъ въ сел. Квемохандаки Алексѣй Кандарели (კანდარელი), также здравствуетъ и другой—Чука Дал-

машили (ქუკა დაღმარული). Такимъ образомъ, разграблены были все церкви пустыни, лишь маленькая церковь, въ коей почиваютъ нетлѣнные мощи преподобнаго Давида Гареджійскаго, осталась нетронутою и усыпальница святаго неоскверненно невѣрными. Навьючивъ разграбленнымъ добромъ своихъ лошадей и еще разъ наругавшись надъ святынями христіанскими, лезгины поспѣшили отправиться въ путь, захвативъ съ собою 7 человекъ изъ монашествующихъ въ плѣнъ. Лезгины ѣхали верхомъ, а послѣдніе шли пѣшкомъ. Была темная, непроглядная ночь. Отѣхавъ нѣсколько верстъ отъ святой обители, лезгины расположились на привалъ въ мѣстности, извѣстной подъ названіемъ „Карая“. Но вотъ чудо. Поруганная обитель среди кромѣшной тьмы озаряется необыкновенно яркимъ небеснымъ свѣтомъ. Какъ только увидѣлъ это чудесное явленіе послушникъ Давидъ, скрывшійся отъ лезгинъ, какъ уже сказано раньше, въ расщелинѣ скалы, то онъ подумалъ, что это лезгины отыскиваютъ съ огнемъ скрывшихся монашествующихъ. Но, конечно, онъ скоро убѣдился въ противномъ и понялъ дѣйствительное значеніе этого необыкновеннаго знаменія. Тогда-же до слуха его донесся голосъ о. Серапіона, который, будучи сильно раненъ, стоналъ, претерпѣвая неимоверныя боли отъ ранъ, нанесенныхъ ему, слабому и беззащитному старцу, руками невѣрныхъ. Но спустя мгновеніе, голосъ его пресѣкъся, уста онѣмѣли, взоръ потухъ и блаженный старецъ уснулъ вѣчнымъ, непробуднымъ сномъ, а праведная душа его отлетѣла въ райскія обители, гдѣ нѣтъ ни печали, ни воздыханія, но жизнь безконечная. Тогда же потухъ и небесный свѣтъ, исчезнувъ такъ-же непонятно, непостижимо для безсильнаго человѣческаго

разсудка, какъ и появившись, а вмѣстѣ съ этимъ надъ сияющею землею воцарилась кромѣшная тьма и наступила гробовая, ничѣмъ не нарушаемая тишина. Необычное это явленіе видѣли въ своей стоянкѣ и безбожные лезгины, но, глумясь надъ небеснымъ знаменіемъ, богохульствовали, говоря несчастнымъ плѣнникамъ: „свѣтъ этотъ снизшелъ для насъ, такъ какъ мы побѣдили васъ, а ваши братья горятъ въ огнѣ“ и при этомъ поздравляли ихъ съ счастливымъ избавленіемъ отъ огня, пожиравшаго, по ихъ мнѣнію, обитель. Слыша такія издѣвательства, плѣнники отвѣчали горькими слезами и, ударяя себя въ грудь, зывали: „о, несчастные мы, почему и мы не удостоились смерти вмѣстѣ съ братьями нашими, ибо и намъ уготованъ былъ бы вѣнецъ правды и мы содѣлались бы сынами царствія небеснаго!“ Свѣтъ тотъ видѣли въ Карталиніи и Кахетіи многіе жители, бывшіе въ это время на поляхъ, видѣли также и находившіеся въ пути; да и теперь живы многіе, которые были прямыми очевидцами этой милости небесной. Снявшись съ привала, хищники отправились дальше, восвояси. Между тѣмъ оставшіеся въ живыхъ и убѣжавшіе въ Іоаннокрестительскую пустынь монашествующіе сообщили обо всемъ случившемся своему настоятелю, архимандриту Іоанну Авалову, находившемуся въ это время въ селѣ, который, оплакавъ горькими слезами своихъ собратій, немедленно отправился вмѣстѣ съ сельчанами въ святую обитель. Тутъ глазамъ ихъ представилась картина а полнаго разрушенія и хищенія: все было унесено и разграблено; на землѣ лежали тѣла убитыхъ монаховъ съ страшными, зіявшими и покрывшимися запекшеюся кровью ранами. Бія себя въ грудь и терзая свои волосы, архимандритъ Іоаннъ, также

архимандритъ Іоаннъ Джорджадзе съ братією Іоаннокрестительской пустыни съ великимъ плачемъ подобрали блаженныя тѣла мучениковъ обмыли ихъ и, помазавъ благовоннымъ елеемъ, честно предали землѣ въ одной общей усыпальницѣ около церкви Давида Гареджійскаго, гдѣ раньше нашли себѣ вѣчное упокоеніе и другіе преподобные отцы. ²⁶⁾

Другое опустошеніе славной Давидгареджійской обители произошло въ 1857 году, 1-го Октября, при чемъ хищниками были опять же безбожные лезгины. Нашедши двери той церкви, которая служитъ усыпальницею св. Давида Гареджійскаго, они взломали ихъ, ворвались въ церковь и ограбили ее: захватили фелонь изъ жемчуговъ, чаши, кресты, евангелія въ окладахъ, серебряныя паникадила, златотканый покровъ, находившійся надъ гробомъ св. основателя обители, митры и вообще всѣ драгоценныя вещи; унесли также и благодатный камень, принесенный преподобнымъ Давидомъ изъ Іерусалима. Въсѣтъ съ этимъ взяли въ плѣнъ іеромонаха Митрофана, Гаіоза, успѣвшаго, однако, перепрыгнуть черезъ ворота и скрыться въ расщелинѣ скалы, противъ сада Геронтія, и многихъ другихъ. Дорогою они убили стражника св. обители Михаила Сергіашвили. Въ числѣ плѣнныхъ находились также двое русскихъ (юношей), пришедшихъ на богомолье и два стражника грузина. Впрочемъ, спустя нѣкоторое время Милосердымъ Государемъ Императоромъ были выкуплены всѣ плѣнники, въ томъ числѣ и іеромонахъ Митрофанъ,

²⁶⁾ Надъ усыпальницею ихъ извѣстный благоукраситель Давидгареджійской пустыни М. Сабининъ воздвигъ превосходный памятникъ.

обратно принесеній съ собою благодатный камень, къ утѣшенію опечаленной братіи обители“.²⁷⁾

О, Преблаженный отче Давиде славне, покри насъ кровомъ святыхъ твоихъ молитвъ отъ разныхъ напастей душевныхъ и тѣлесныхъ, Отче, украсителю Иверіи, воззри благосердіемъ на насъ притекающихъ святой и честной ракъ мощамъ твоимъ, яко отецъ предобрый принеси наши молитвы къ престолу Царя Христа, прося у Него ходатайствомъ твоимъ прощенія содѣланныхъ нами грѣховъ вольныхъ и невольныхъ, да очищенные отъ нихъ, сподобились славословить Вседержавную Его силу Отца, и Сына, и Святаго Духа, Аминь²⁸⁾.

P. S. На страницѣ 28, строка 7 сверху напечатано: „въ Сіонѣ и Рамфѣ“, слѣдуетъ читать: „въ Синаѣ и Рамфѣ“.

²⁷⁾ Вся вышеназложенная повѣсть записана со словъ бывшаго въ плѣну у лезгинъ іеродіакона Сергія послушникомъ Спаридономъ Гведіевымъ и напечатана грузински въ Груз. Дух. Вѣстникѣ. სპირიტუალური მკვლევარები, 1888 წ. № 3, 33. 81—86 Оригиналъ этой повѣсти, писанной какъ видно изъ приписки, для Па. И. Иосселиани, найденъ нами между рукописями послѣдняго

²⁸⁾ М. Сабининъ. Чолн. жизн. свят. груз. цер. ч. I, стр. 140.